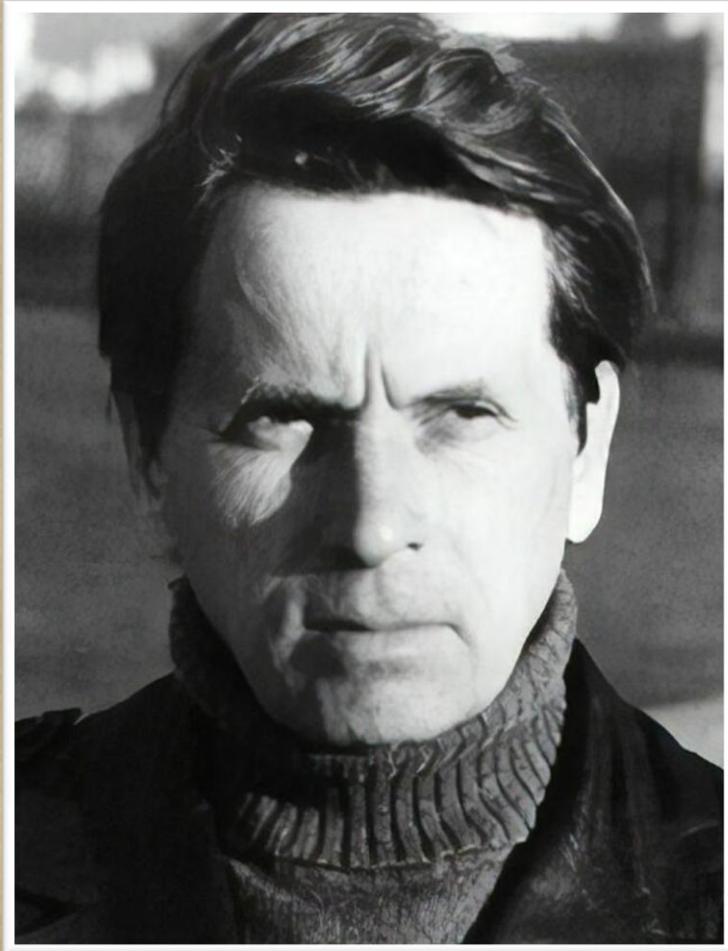

**По страницам книг
Федора Абрамова...**

Памяти Федора Абрамова

Он так любил березы и космеи
И пинежский напевный говорок,
День ото дня сильнее и сильнее
Его тянуло на родной порог.

Здесь сердце отдыхало и болело,
Искало вновь ответа на вопрос:
Куда идем? Так в чем, скажите, дело?
Земля скудеет, лес и сенокос.

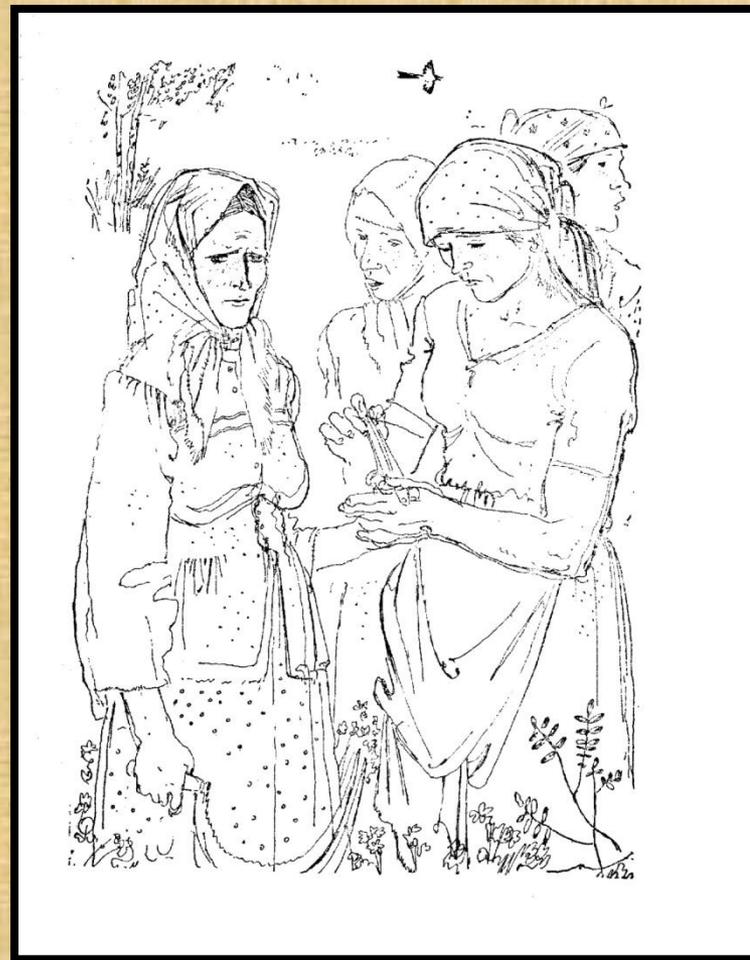
Герои мы на час? Да неужели?
А Родина просила защитить
От подлости, пассивности, безделья,
От сердца равнодушного в груди.

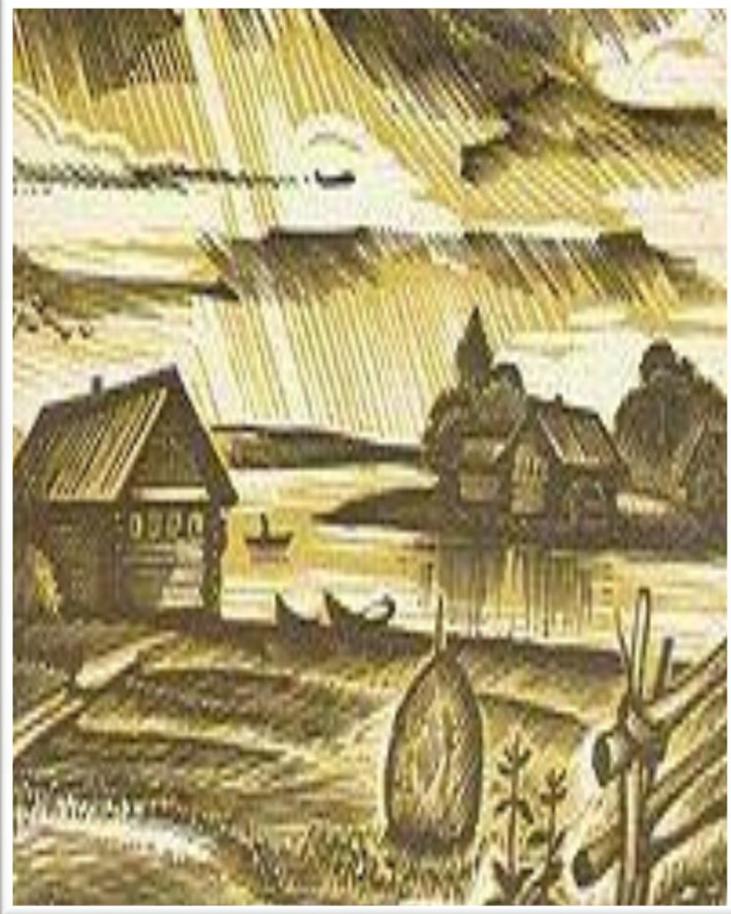
И он вставал. Он словом бил в упор!
Он, как на фронте, снова был бойцом!
И, выйдя на Абрамовский угор,
Я чувствую, как ветер бьет в лицо!

**Север не бросок. Красота его не
поражает
с первого взгляда.**

**Её надо разглядеть. У северян
потаённая, скрытая красота,
но именно эта красота и покоряет
навсегда.**

**Абрамов Ф.А. «Волеизлучение»
(«Из записных книжек»)**

Русский Север. Поморье... Край невероятных просторов, раздолья и воли (Север никогда не знал ни татаро-монгольского ига, ни крепостного права), край редкого богатства и редкой красоты, которая и поныне ещё не утратила очарования первобытной дикости.

Но Север – это не сказка, не Беловодье, не та обетованная земля, о которой веками мечтало крестьянство. Север – это тощие, худородные подзолы и супеси, с которых в зяблый год не соберёшь даже семян. Север – это бесконечная зима с непролазными снегами и лютыми морозами. Север – это штормы и бури Студёного моря. И потому Север – это работа, работа и работа...

Абрамов Ф.А.

«В краю родникового слова»

**ВОЙНА.
НАРОД.
ПОБЕДА**

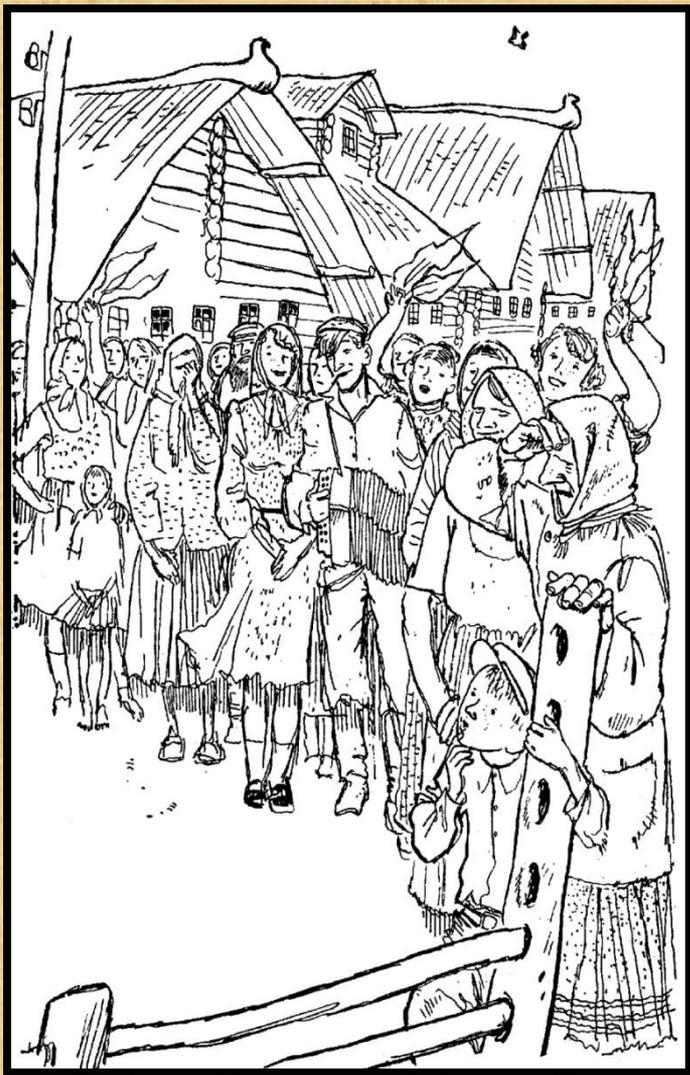

Где-то по городам... шумно шагала лучезарная Победа – об этом изо дня в день трубили газеты. Уже и ... эшелоны с демобилизованными загрохотали по Руси.

А пекашинцам – черт бы побрал их глухомань! – только и оставалось, что ждать. И ждали. Ждали, томительно высчитывая дни, когда же, когда придут родимые?

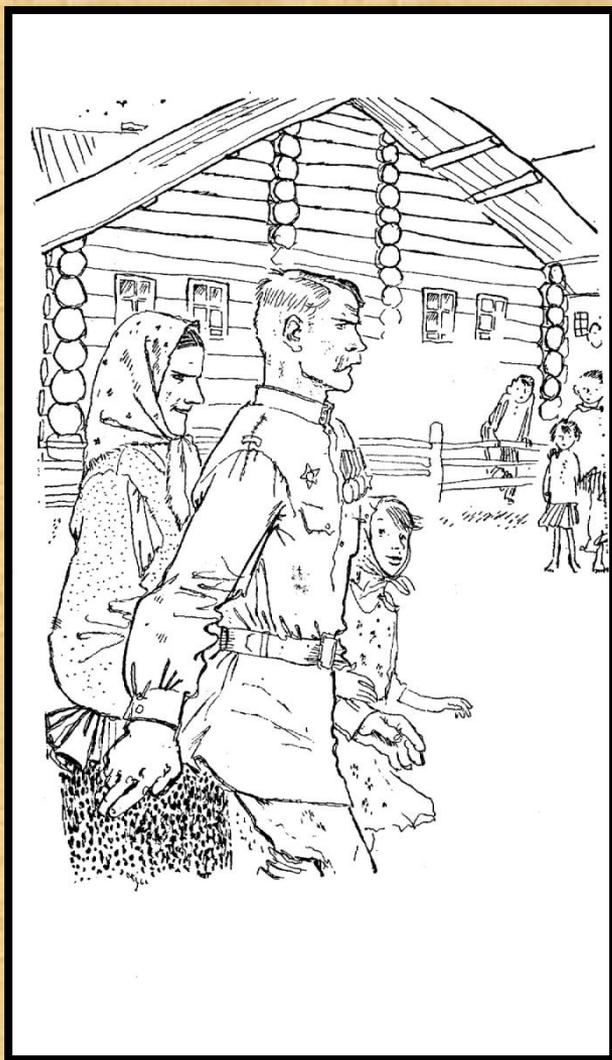
Абрамов Ф.А.

«Две зимы и три лета»

**И была радость у людей. Были
свадьбы
и скороспелая любовь на лету.
И были плачи великие. От земли
до неба.
По тем, кто не вернулся с войны...**

**Абрамов Ф.А.
«Две зимы и три лета»**

...И вот, вспомнив про свой ... первый и единственный парад в жизни, Илья ... заглотнул в себя воздух, подтянул к хребтине пуп. И серебро, и бронза на его груди сверкали – вот его отчёт землякам за войну... Из этого косяка, или из этой пекашинской роты, как называл их тогда райвоенком, он один вернулся к исходному рубежу ... да ещё вон там, опершись на изгородь, стоит одноногий, уполовиненный Пётр Житов.

Абрамов Ф.А.

«Две зимы и три лета»

Кругом горели леса, деревни по неделям не вылезали из дыма, - точь-в-точь, как в войну, когда немцы бомбили Архангельск и его пригороды. Люди измучились, мотаясь по пожарам. Только потушили один пожар, взялись за косы – на, опять нарочный скачет. А на пожне тоже не развеселишься. Хлещешь, хлещешь косой, бегаешь, бегаешь с граблями – а где сено?

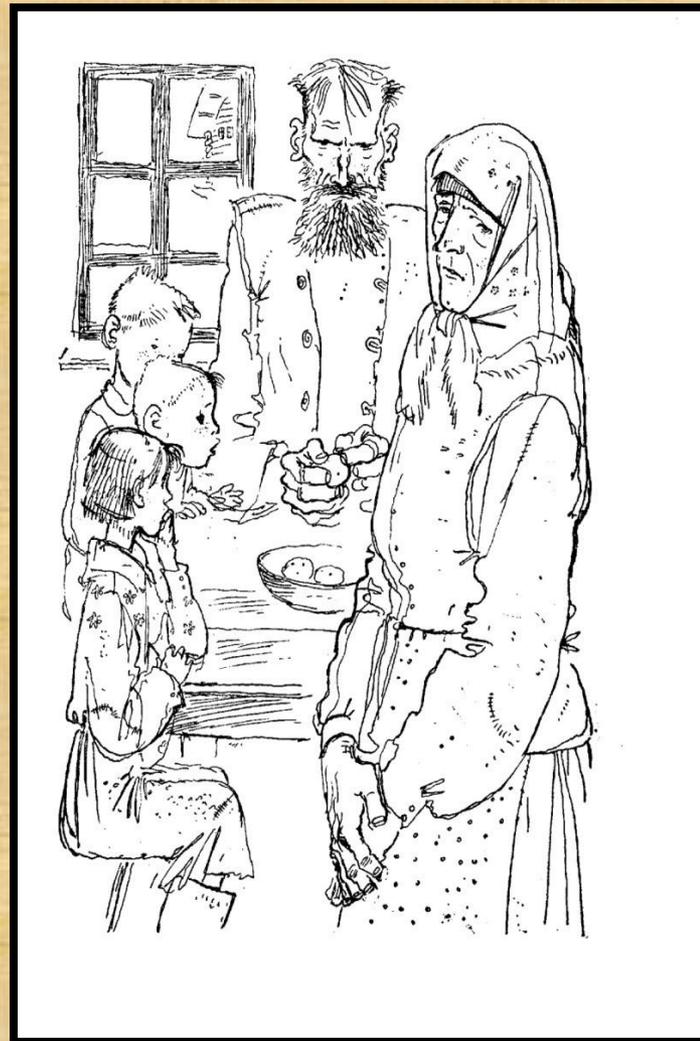
Абрамов Ф.А.

«Две зимы и три лета»

Когда, какое ещё поколение столько ломала и корежила жизнь?.. А война последняя? А годы послевоенные? Стой, старик! В землю заройся, а стой. На твоих плечах держава держится.

Абрамов Ф.А. «Две зимы и три лета»

Петр Петрович пережил жену на три года. В годовщину смерти ее он возложил на ее могилу скромное, но с редким вкусом им самим обработанное гранитное надгробие, а рядом с могилой жены поставил гранитную стелу, на которой высек такие слова:

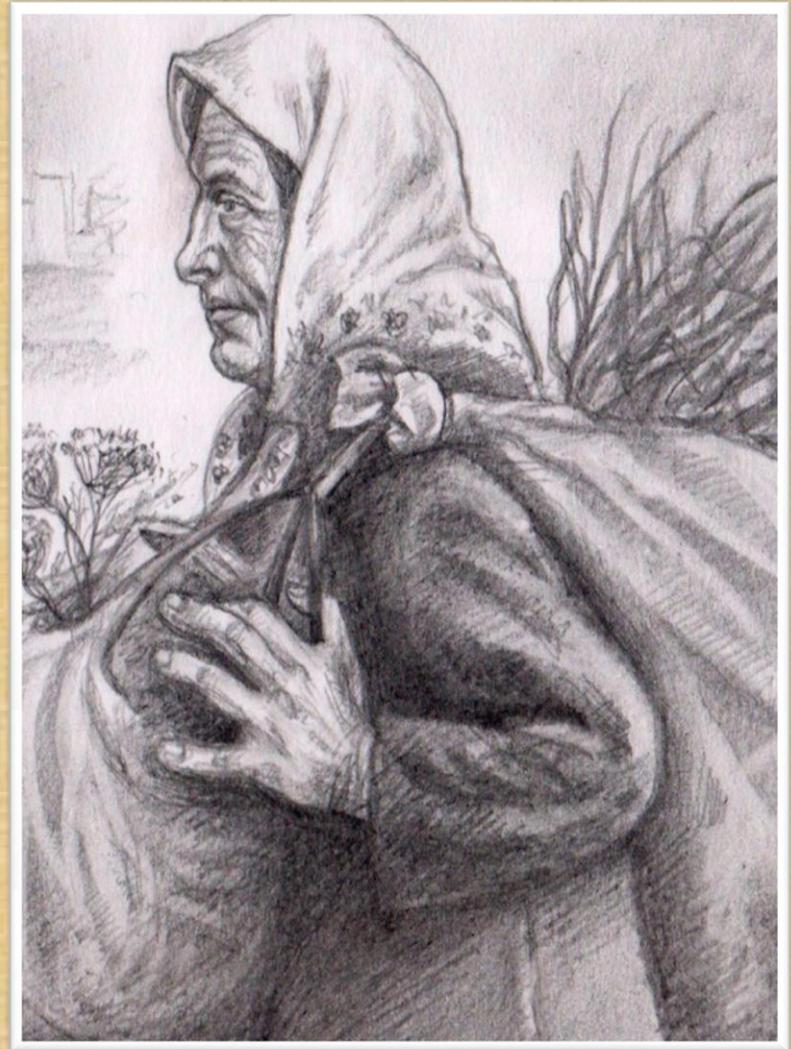
«В память незабвенного друга добермана-пинчера Дара, защитника и мученика блокадного Ленинграда».

В последние два года Петр Петрович почти не выходил из своей квартиры и все рисовал и рисовал своего Дара...

Абрамов Ф.А. «Потомок Джима»

**После войны я ни разу не плакала.
Грех великий плакать,
кто пережил
блокаду да войну.**

**Абрамов Ф.А. «Зарок блокадницы»
(из цикла «Трава-мурава»)**

Сказано...

Лучше тыкать, чем с подвохом выкать.

Улыбнись – и миру станет лучше.

Живёшь не человеком и умрёшь не покойником.

У меня характер как климат: резко континентальный.

Не сколько сделал, а как сделал...

Сейчас все: мать-перемать. При детях выворачивают. А у нас, как бывало, отец: «Варуха, сбегай-ко в кусты – я матюкнуться хочу».

Абрамов Ф.А. Из цикла «Трава-мурава»

...Матерное-то слово самое тяжелое... Грешишь против своей матери, против мать - богородицы и против мать сырой земли...

Абрамов Ф.А. «Две зимы и три лета»

Хорошая книга – это ручеёк, по которому в человеческую душу втекает добро.

Как жить? С ощущением последнего дня и всегда с ощущением вечности.

Абрамов Ф.А. «Из записных книжек»

**КАК БОЛЕЛИ, УМИРАЛИ
И ЛЕЧИЛИСЬ НА ДЕРЕВНЕ...**

Болезнь подкралась к Пелагее незаметно, вместе с осенними дождями и сыростью, и она была для Пелагеи мукой. Не умела Пелагея болеть. Она была в мать, та ещё за три дня до смерти просила у неё работы: « Дай ты мне чего-нибудь поделать. Я ведь жить хочу».

[Пелагею] душил кашель, она задышалась... На пол, на пол надо, по старой привычке подумала она. Крашенный пол хорошо вытягивает жар из тела...

Абрамов Ф.А. «Пелагея»

- Не дам, не дам ребёнка! – закричала
[мать] дурным голосом. – Я куда
тебя послала-то? За врачом. А ты
кого привёл?

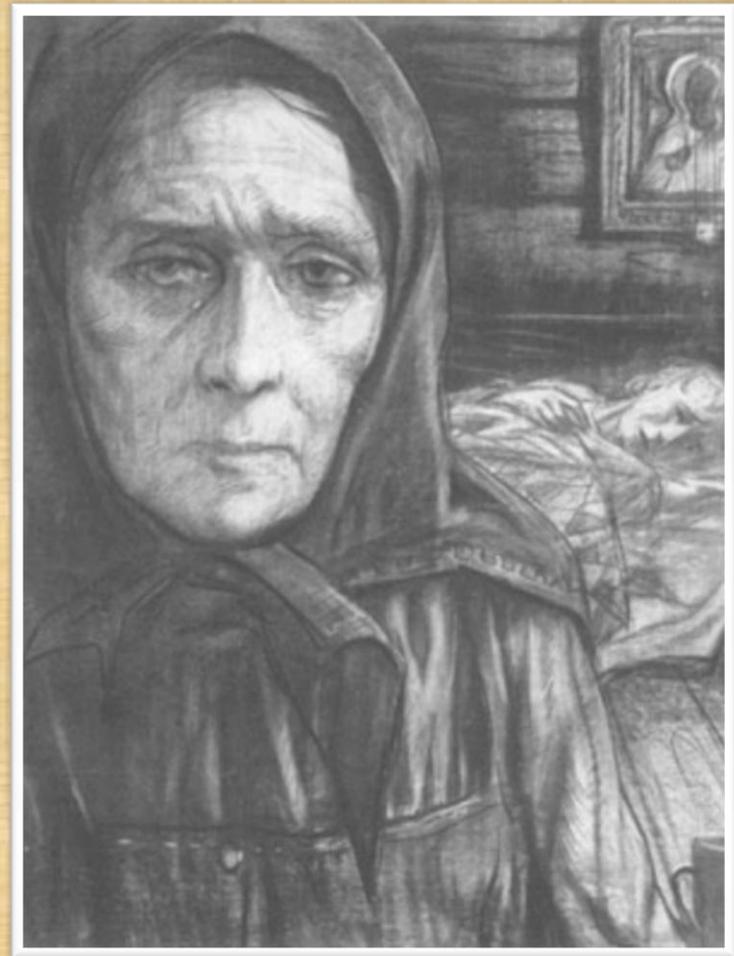
Но тут уж баба Соха сказала своё
слово:

- Загунь! Не пугай ребёнка-то.

А когда подошла к Виктору...,
заговорила ласково-ласково. Как
летней водой начала окачивать.

- Не бойся, не бойся, золотко. Бабушка
тебе здоровья принесла. Где у тебя
болит-то? Горлышко... Дыханья
нету... Будет, будет дыханье,
родимый...

Абрамов Ф.А. «Мамониха»

Как? Это на сорок-то третьем году
забеременеть? Да что она – с ума
сошла? Без зубов, руки и ноги
ревматизмом разворочены – в пору об
инвалидном доме думать, а не
рожать!.. И вот в это нелёгкое время
нашёлся в деревне один человек,
который поддержал Авдотью... –
одинокая, гулящая Манефа, года на
три моложе её:

– Рожай, Дуня. Не слушай никого. Им что?
У них лавки ломаются от ребят. А я бы
вот хоть какую муку вытерпела,
смерть бы приняла... – и не
договорив, расплакалась.

Абрамов Ф.А.

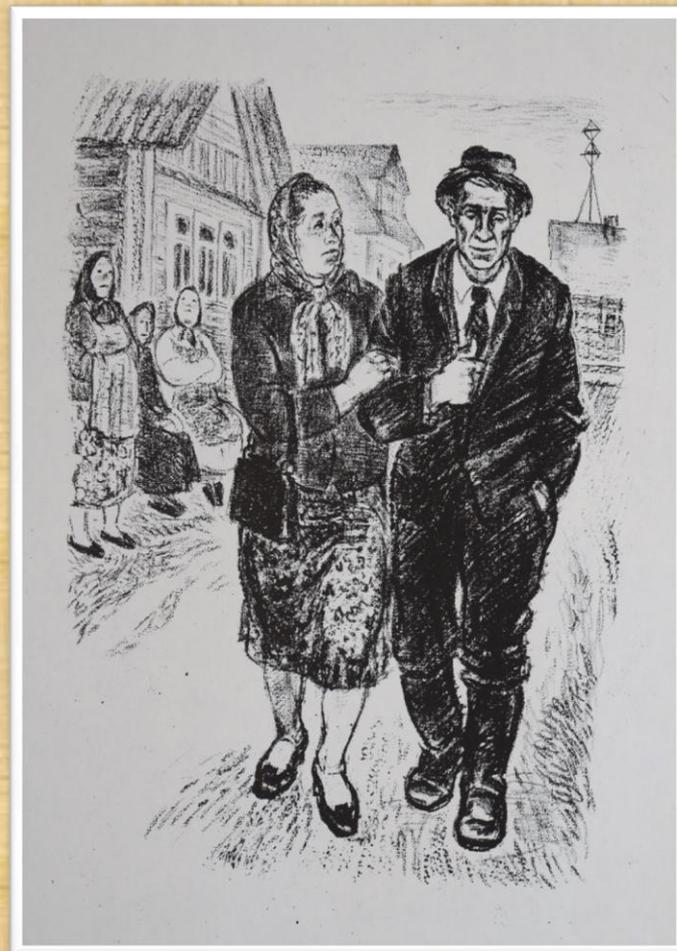
«Пролетали лебеди»

И вдруг, беря от него чашку,
почувствовала, как бледнеет:
левая рука Тимофея, согнутая в
локте, тихонько покачивалась. Он
водил ею по животу. И
Александра с упрёком и
запоздалым раскаянием
подумала: как же она могла
позабыть про его болезнь?
И...покуда она изводила его
глупыми разговорами, он так и
сидел, корчась, как на угольях, и
ещё при этом старался не
показать ей виду?..

...А через три дня, когда Михаил
приехал с сеном..., первое, что
ему сообщили на конюшне, –
Тимофей умер. Умер во время
операции. От рака...

Абрамов Ф.А.

«Две зимы и три лета»

Есть на Севере, а точнее сказать, на Пинеге и на Мезени, такая женская болезнь – икота, которая, правда, сейчас немного поутихла, а ещё недавно редкую работную бабу не трепала. Найдёт, накатит на бедную, – и мутит, и ломает, и душит, и крик, и рёв на все голоса, – по-собачьи, по-кошачьи, и даже самая непотребная матерщина иной раз срывается с губ.

Медицинская наука на эту болезнь обратила внимание лишь в самые последние годы, о ней даже в Большой Советской энциклопедии нет ни слова, и потому в наших местах доселе считается: икоту садят, икоту насылают... знающие люди – икотники, и гнездом этих икотников является Койда, небольшое старинное селеньишко, отгороженное от большого мира рекой.

Абрамов Ф.А. «Из колена Аввакумова»

**Врачи, вступающие в свою должность,
дают Гиппократову клятву. Хорошо
бы и для литераторов ввести
подобную клятву. Писать правду,
только правду и ничего больше, во
все времена, в любом
состоянии – и в славе,
и в нищете.**

**Абрамов Ф.А.
«Из записных книжек»**

Рекомендуем прочитать:

1. Абрамов Ф. А. Братья и сестры. Две зимы и три лета / Ф. А. Абрамов. – Ленинград : Лениздат, 1973. – 550 с.
2. Абрамов Ф. А. Деревянные кони : повести и рассказы / Ф. А. Абрамов. – Москва : Современник, 1978. – 431 с.
3. Абрамов Ф. А. Жарким летом : рассказы / Ф. А. Абрамов. – Ленинград : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1984. – 384 с.
4. Абрамов Ф. А. О хлебе насущем и хлебе духовном / Ф. А. Абрамов. – Москва : Молодая гвардия, 1988. – 208 с.
5. Абрамов Ф. А. Пелагея. Алька : повести / Ф. А. Абрамов. – Москва : Современник, 1980. – 79 с.
6. Абрамов Ф. А. Повести и рассказы / Ф. А. Абрамов. – Вологда : Сев.-зап. кн. изд-во. Вологод. отд-ние, 1985. – 368 с.
7. Абрамов Ф. А. Последняя охота : повести / Ф. А. Абрамов. – Москва : Сов. Россия, 1973. – 398 с.
8. Абрамов Ф. А. Трава-мурава / Ф. А. Абрамов. – Москва : Молодая гвардия, 1983. – 110 с.